

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
iz-irina@mail.ru

РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «О УБЬЕНИИ БОРИСОВЪ»

Рассматриваются ритмические особенности летописной повести «О убъеныи Борисовъ», которые обусловлены жанрово-композиционным построением повести и идейно-содержательной стороной произведения. Ритмический рисунок определен тремя темами: событийной основой, нравоучениями и молитвенным напевом, которые переданы при помощи различных лексико-грамматических средств. Обращение к синтаксическому параллелизму и стилистической симметрии, однотипным грамматическим формам и звуковым совпадениям лексем позволяет создать грамматическую рифмовку текста, отразить мелодичный характер повествования. Следование канону и использование образных возможностей русской речи определяют языковые особенности складывающегося на Руси агиографического жанра.

Ключевые слова: ритм, синтаксический параллелизм, стилистическая симметрия, грамматическая рифма, звуковые совпадения, летописная повесть «О убъеныи Борисовъ»

История русского летописания рассматривается с разных точек зрения в многочисленных специальных трудах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, М. Д. Приселкова, И. Н. Данилевского, И. С. Улуханова и других ученых. Неодинаковая интерпретация фактического материала и различная методика его анализа приводят к тому, что вопросы изучения русских летописей продолжают оставаться актуальными для исследователей. Большой интерес представляет ритмическая организация развивающегося в древнерусской литературе агиографического жанра. В цикл произведений, посвященных судьбе Бориса и Глеба, входят летописная повесть «О убъеныи Борисовъ» 1015 года, «Чтеніе о житії и погубленії блаженнюю страстотръпцю Бориса и Глѣба» и «Сказаніе и страсть и похвала святою мученику Бориса и Глѣба». С опорой на труды по теории ритма М. Л. Гаспарова, М. М. Гришмана, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и других покажем, как древнерусская литературная традиция вырабатывает способы отражения мира, учитывая библейские приемы соотнесения действительности и ее литературного воплощения.

Сюжетно-образный строй повести «О убъеныи Борисовъ» (Лаврентьевская летопись, 6523 год) [3] обусловлен агиографическим характером текста, посвященного князьям-страстотерпцам, а идейно-композиционное построение повести определяет многоплановый ритмический рисунок. В произведении закономерно чередуются фрагменты трех типов: событийный ряд представлен четким динамичным ритмом с нарастающей напряженностью (преступный умысел, известие о готовящемся заговоре, убийство князей, убийство слуги, дальнейшая судьба убиенных [4]); замедленное повествование получают нравоучительные вставки и фрагмен-

ты, передающие оценку душевного состояния и поступков героев (Святополка, Бориса, Глеба, слуги Бориса); ритмически плавные части текста определены молитвенным напевом псалмов и заключительной похвалой в честь Бориса и Глеба.

Заданность ритма связана не только с сюжетно-композиционной, смысловой стороной произведения, но и лексико-грамматическими средствами языка. Динамика сюжетной линии определена тем, что при описании череды событий используется прием синтаксического параллелизма (Святополк же сьде Кыевъ по ѿїи своемъ и съзыва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье...; рѣша же юemu дружина... сѹнь же ре...; и приде Смоленьску: и поиде от Смоленьска яко зре́мо· и ста на Смадинъ в насадъ... и др.). Отмечается грамматическая однотипность соседних синтаксических групп, в которых повтор слов передает быстрое развитие действия, лишенного эмоционального сопровождения, что позволяет передать фактическую сторону происходящего.

Этот прием применен и к фрагментам, передающим лирические отступления и поучения (Золь бо члѣкъ тщасл на злое не хужи есть бѣса: бѣса бо Бѣ боятся· а золь члѣкъ ни Бѣ боится· ни члѣкъ сѧ стыдить· бѣси бо крѣта сѧ боять Г҃ла· а члѣкъ золь ни крѣта сѧ боить). Причем фрагменты поучений приближаются по своей организации к библейской языковой традиции, когда в параллельных конструкциях с повторяющимся рядом слов возникает градация, углубляющая значение слов. Так, поучение о злом человеке с помощью параллелизмов рисует нравственные ориентиры, выстраивает положительную и отрицательную модель поведения.

Псалмопение и молитва блаженного Бориса также отражают библейскую ритмическую традицию, связанную с обращением к Богу (Г҃и ослушаши, Г҃и ...на та оупова^х и спаси ма и ...избави

ма, Г̄и ...сподоби; и пакы... и пакы; яко стрѣлы ...яко азъ ...яко не оправдитса ... яко погна ... яко послании ...яко обидоша), параллельные конструкции варьируют тему скорби и надежды, постепенно разъясняя и углубляя ее. Градуальный синонимический параллелизм сочетается с антиетическим параллелизмом, когда подчеркивается противопоставленность поведенческих установок (мнози въстают на ма ... язъ на раны готовы).

Синтаксический параллелизм организован за счет использования однотипных грамматических форм (аориста, повелительного наклонения, неопределенной формы глагола): съде, съзыва, нача, приде, ста; поиди, сади, не буди, буди; погубити, сложити, створити и др. Звуковые соответствия отражают внутреннюю грамматическую рифму (нападоша, насунуша, прободоша, избиша, уськнуша, снаша, твергоща, не обрѣтоша; оувертѣвшe, възложившe и под.), что также организует текст как единое ритмически оформленное произведение. В событийной части повести, подчеркивая смену происходящих событий, синтаксически однотипные конструкции вопросно-ответной формы позволяют передать диалогичность речи (рѣшъ же ему дружина штина... – онъ же рѣт...; рѣт же Путыша с Вышегородьци... – онъ же рѣт имъ...).

Большая нагрузка в синтаксически параллельных конструкциях принадлежит повторяющимся частицам (*и*, *же*, *бо* и др.), которые выполняют текстообразующую функцию и, как подчеркивает В. В. Колесов, выступают как клитики, которые оттягивают на себя ударение с соседних полнозначных слов, «обеспечивая ритмическое единство формулы» [1: 626]. Событийный ряд связан с частицей *же* (Сватополкъ же съде, они же приимаху, Борису же възвратившюся съ вои, онъ же рѣт, Борисъ же стояше, Стѣполкъ же приде и др.). В. В. Колесов отмечает, что повторяющиеся частицы выступали в качестве своеобразной «скрепы» словоформ в устойчивой речевой формуле, «не претендую при этом на существенность семантического или грамматического статуса» [1: 617]. Однако в разных фрагментах текста отмечается строго закономерное использование частиц: *же* преобладает в событийной части текста, выделяя поступки героев; частица *бо* функционирует в тех частях, в которых содержится оценка поведения и душевного состояния героев (и плакася по ѿї велми· любимъ бо бѣ ѿщемъ своимъ паче всѣхъ; и скаковыхъ бо Солом[он]ъ рѣт· скори суть пролити кровь бес правды· ти бо обѣщаются крови· сбираютъ собѣ зла· сихъ путь суть скончавающї беззаконье· нечестемъ бо свою дѣло емлють; слышаша блжнаго Бориса поюща заутреню бѣ бо ему вѣсть оуже яко хотать погубити и; бѣ бо се любимъ Борисомъ; сици бо слоугы бѣси бывають, бѣси бо на злое посылаеми и др.). Повтор союза *и* (и помолившюся ему возлеже ... и се нападоша ... и насунуша ... и прободоша) передает постепенное нарастание напряжения и развязку событий в повествовательной части текста. Вставки из псалмов и похвала не содержат таких повторяющихся средств ритмизации текста.

Промежуточные строки оценочной части повествования отличают плавность и замедленность, которые создаются за счет включения в текст причастий настоящего и прошедшего времени (и плакася по ѿї велми· любимъ бо бѣ ѿщемъ своимъ паче всѣхъ· и ста на Лѣтѣ пришедъ (Борис); Стѣполкъ же исполнившися беззаконья· Каиновъ смыслъ приимъ· посылая к Борису глашѣ; бѣ бо се любимъ Борисомъ (Слуга)) и повторяющихся предложно-падежных форм (*съ* праведными, *съ* прѣкы и аглѣ, *съ* лики, *съ* англы; оу брата своего Бориса· у цркви ста^т Василья; плачася *по* ѿї· паче же *по* братѣ). Так, с помощью однотипных морфологических форм уточняются душевное состояние и детали поведения героев, передана нравственная сторона совершенных поступков.

В оценочной части отмечается явление стилистической симметрии, «когда об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды» [2: 418]. Лексический повтор антонимов в параллельных конструкциях семантически и ритмически усиливает противопоставление ангелов и бесов (бѣси бо на злое посылаеми· бываютъ агли на блгое посылаеми· англь бо члвку зла не створяетъ· но блгое мыслить ... хбяномъ помогаютъ и заступаютъ ... а бѣси на злое всегда ловятъ...) В таком антиетическом параллелизме противопоставления связаны с основным содержанием повести и отвечают ее идеиному замыслу.

Молитвенные фрагменты текста подготавливают трагический исход событий, выделяя главную мысль в ходе развития сюжета, которая затем обобщена в конце повести в виде похвалы князьям-страстотерпцам. Ритм молитвы Бориса определен обращением к Богу, повторами глагольных форм повелительного наклонения (Г̄и оуслыши, и не вниди, и избави мя, и мене сподоби прияти, и не сотвори юму), которые создают образ сильной личности, готовой к испытаниям. Молитвенный ритм обращения Глеба к Богу о себе и брате эмоциональный, неровный, текст содержит вопросительные предложения и предложения с условными конструкциями с союзом *аще*. Обращение имеет кольцевую композицию, повтор восклицания о готовности принять участие брата (луче бы ми умрети съ братомъ· нежели жити на свѣтѣ семь) усилен определением (въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ), отсутствие частицы *ли* переводит завершающее восклицание из плана сомнений и вопросов о дальнейшей судьбе в план окончательно сделанного выбора (луче бо ми было с тобою жити· неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ).

Заключительный фрагмент повести содержит похвалу братьям. Ритм задают девять анафорических восклицаний (радуйтасѧ, стрѣца Хва.., радуйтасѧ, нбѣная жителѧ.., радуйтасѧ, Борисе и Глѣбе ббмѣра и др.). В каждой части, соответствующей этим восклицаниям, используется грамматическая рифмовка: употребление форм двойственного числа настоящего времени глаголов (подаета, обиходита, просвѣщаeta, покорита, сподобита), аориста (явистасѧ, сподобистасѧ, наслѣдоваста), использование форм прилагательных (нбѣная жителѧ, един-

мысленая служителя, Борисе и Глебе·бомдрайа, воды живоносныя, свѣтилника предобрая, застуника теплая, хлобивая стрѣща и др.) и причастий (приходащи^м, стражющимъ, озаряюща, отгонаща, просвѣщающа, напаяюща, ицѣляюща и др.), которые дают образную характеристику братьев, конкретизируют, разъясняют и развиваются добродетельные качества, тем самым усиливают эмоциональное воздействие текста.

Ритмичность достигается также звуковыми совпадениями (житела – служителя, единобразна – единодѣньна, свѣтозарна – свѣтилѣ – свѣтилника – свѣтоносная – свѣть – свѣтлѣи, свѣтилника – застуника – стрѣтыника и др.) и однотипно построенными предложениями с причинно-следственной связью (используются союзы яко, яже: яже исцѣленье подаета..., яко потока... истекають, яко свѣтилѣ озаряюща..., яко всѧ напаяюща срѣца...).

В восклицаниях обнаруживается внутренний параллелизм по принципу хиазма, на который обратил внимание Р. О. Якобсон [5], – в одной части предложения прилагательные следуют за существительным, а в следующей части предшествуют ему, и наоборот: нѣтая житела, единомысленая служителя – верста единобразна, стынь единодѣньна; Борисе и Глѣбе·бомдрайа, воды живоносныя – вѣрны^м людемъ на исцѣленье; [луча] свѣтозарна, вѣрою неоуклоньюю – лукаваго змия поправша и др. Такая повторяющаяся соотнесенность эпитетов делает похвалу ритмически уравнено-

вешенной и плавной. Семантическое усиление текста создается за счет стилистической симметрии, при которой синонимические средства расширяют, уточняют мысль, придавая ей символическое значение: свѣтилѣи звѣздѣ заутра вѣходаши; вѣрою и любовью; единомысленая – единобразна – единодѣньна; бомдрайа – яко... воды живоносныя; луча свѣтозарна и яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую; красны^х всѣхъ наслѣдоваста в нѣснѣмы житы славу и раискую пищу; и свѣтъ разумны красныя радости; каплями кровными стыни^и очервивша баграницу – земля бо [Руска] блгвиса ваю кровью; в мѣстѣхъ златозарныхъ^х в селѣхъ нѣныхъ^х в славѣ неувадающей и др. В целом похвала, отражая основные нравственные выводы, отличается богатством ритмического оформления.

Таким образом, летописная повесть «О убьеньи Борисовѣ», отталкиваясь от бытующих агиографических традиций и следования канону на разных уровнях текста (идейно-композиционном, стилистическом и символическом), использует устойчивые лексико-грамматические средства языка. Ритмическая упорядоченность на основе параллелизма (на грамматическом, семантическом и фонемном уровнях) определена идейным замыслом, организует динамическое взаимодействие всех фрагментов текста и отражает не только мелодику русской речи, но и особенности языкового сознания древнерусского человека, в котором происходит борьба за нравственные христианские ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. История русского языка. СПб.: Академия, 2005. 672 с.
2. Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 418–422.
3. Полное собрание русских летописей: В 43 т. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 132–139.
4. Сочнева Н. А. Роль мотивов «Повестей о княжеских преступлениях» в композиции «Чтения о Борисе и Глебе»: к проблеме межжанровых взаимосвязей // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. С 110–114.
5. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99–132.

Izmost'eva I. A., Togliatty State University (Togliatty, Russian Federation)

RHYTHMICAL FEATURES OF CHRONICLES “ON BORISOV’S MURDER”

Rhythmic features of the chronicles “On Borisov’s Murder” are closely examined. The features in focus are characterized by the presence of several genres both in the structure of this narrative and in the ideologically substantial part of the composition. The rhythmic picture is defined by three themes: an event driven plot, preaching and prayer chants, which are conveyed with the help of multiple lexical grammatical means. References to syntactic parallelism and stylistic symmetry, grammatical forms of the same type, and lexemes identical in sounds helped to create the grammatical text rhyme and reflect the melodic mood of the narration. Devotion to canons and the use of the Russian language figurative potential define characteristics of the developing hagiographic genre of “Rus”.

Key words: rhythm, syntactic parallelism, stylistic symmetry, grammatical rhyme, sound matching, chronicles “About the killing of Borisov”

REFERENCES

1. Колесов В. В. *История русского языка* [History of the Russian language]. St. Petersburg, Akademiya Publ., 2005. 672 p.
2. Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе [Stilisticheskaya simmetriya v drevnerusskoy literature]. *Problemy sovremennoy filologii: Sbornik statey k semidesyatiletiju akademika V. V. Vinogradova*. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 418–422.
3. Полное собрание русских летописей: В 43 т. Т. I: *Лаврентьевская летопись* [Complete Collection of Russian Chronicles: In 43 vol. Vol. I: Laurentian Chronicle]. Moscow, Языки русской культуры Publ., 1997. P. 132–139.
4. Сочнева Н. А. The role of the motives in “The tales about royal crimes” in the composition “The Tales about Boris and Gleb”: on the problem of the inter genre relationship [Rol’ motivov “Povestey o knyazheskikh prestupleniyakh” v kompozitsii “Chteniya o Borise i Glebe”]: k probleme mezhzhanyrovnykh vzaimosvyazey]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Искусствоведение* [Chelyabinsk State University Herald. Philology. Arts]. 2013. № 16 (307). Issue 78. P. 110–114.
5. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты [Grammaticheskiy parallelizm i ego russkie aspekty]. *Yakobson R. O. Raboty po poetike*. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 99–132.

Поступила в редакцию 22.03.2016